

НАУКА СОПРУЖЕСТВО ПРОГРЕСС

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Газета выходит с ноября 1957 года ♦ № 17-18 (3755-3756) ♦ Пятница, 29 апреля 2005 года

Дорогие ветераны! С праздником Победы!

Уважаемые читатели! Лишь несколько листков календаря отделяют нас от светлого праздника Победы, которому мы целиком посвятили сегодняшний номер. В нем вы найдете строки из военных мемуаров дубненцев, записанные корреспондентами нашей газеты, и рассказы о ратных трудах ученых, чьими именами названы улицы Дубны, рисунки школьников – лауреатов городского конкурса, посвященного 60-летию Победы, и подлинные военные открытки из архивов дубненских семей... Когда стреляли пушки – музы не молчали. Вы вспомните стихи военных лет, в которых тесно переплелись боль и радость, ненависть и любовь. Мы посвящаем этот номер нашим ветеранам.

Музы не молчали

Победа у наших стоит дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей, –
Так мы долгожданной ответим.

Анна Ахматова, 1942–1945

* * *

Еще штыками обернутся песни,
Еще придут и отшумят бои.
Придет домой седеющий ровесник,
Придут не все ровесники мои.
Оставшимся – счастливо оставаться.
Но с этим миром в утреннем дыму
Договорились мы не расставаться –
И мы вернемся бронзой к нему.
У вас сады. У вас цветенье лета,
И юноши по мрамору идут
В сияющие университеты,
И холодно быть памятником тут...

Когда ты выйдешь с лекций на закате,
О наших размышляя временах,
Навек ушедших в толщи хрестоматий,
О наших запыленных именах,
Ты обернешься –
И увидишь рядом –
Тех,
Кто отвел и от тебя беду,
Товарищ мой,
Бредущий тихим садом
В трехтысячном неммыслимом году.

Михаил Львов, 1940–1944

● Из предпраздничной почты

Уважаемые дубненцы, дорогие ветераны Великой Отечественной войны! Землячество узбекистанцев в ОИЯИ сердечно поздравляет вас с 60-летием Великой Победы над армией фашистской Германии. В те грозные годы все народы Советского Союза, независимо от национальности и вероисповедания, плечом к плечу, на фронтах войны и в тылу за фронтом ковали Победу над злейшим врагом мировой цивилизации. Ваша победа еще раз доказала всей мировой общественности величайшую силу Дружбы между народами. Мы глубоко убеждены, что прошедшая испытание войной Дружба служит гарантией гармоничного развития отношений между нашими народами на благо наших стран. Для нас, узбекистанских физиков, большая честь трудиться вместе с вами на передовых рубежах мировой науки в многонациональной и гостеприимной Дубне. Желаем вам, дорогие ветераны, всем дубненцам благополучия, мира и самое главное – здоровья и долгих лет жизни!

С глубоким уважением,
группа узбекских сотрудников ОИЯИ.

Наш адрес в Интернете – <http://www.jinr.ru/~jinrmag/>

Совещание в ЦЕРН

С 18 по 21 апреля вице-директор ОИЯИ профессор А. Н. Сисакян (избранный в марте новым директором ОИЯИ и вступающий в эту должность с 1 января) принял участие в совещаниях ресурсного обзорного комитета по экспериментам на LHC в ЦЕРН. Совещание открылось вступительными докладами генерального директора Р. Эмара, его заместителя Й. Энгелена и руководителя проекта ускорителя LHC Л. Эванса. Затем состоялось подробное обсуждение хода подготовки экспериментов ATLAS, CMS, ALICE, LHCb. С подробными докладами о статусе этих проектов выступили профессор П. Йенни, М. Дела Негра, Ю. Шукрафт, Т. Накада. В совещании в качестве экспертов от ОИЯИ также участвовали Н. Русакович (ATLAS), В. Каржавин (CMS), А. Водопьянов (ALICE). Первые физические эксперименты на LHC планируются на лето-осень 2007 года. В ходе совещания отмечалось успешное выполнение со стороны ОИЯИ обязательств по подготовке совместных экспериментов. Во время пребывания в ЦЕРН профессор А. Н. Сисакян имел ряд встреч с руководителями совместных экспериментов.

19 апреля состоялась продолжительная беседа между А. Н. Сисакяном и заместителем генерального директора ЦЕРН, главным научным управляющим профессором Й. Энгеленом, в ходе которой был обсужден широкий круг вопросов сотрудничества ОИЯИ-ЦЕРН.

(информация дирекции)

ДУБНА
СОТРУДНИЧЕСТВО
ПРОГРЕСС

Еженедельник Объединенного
института ядерных исследований

Регистрационный № 1154
Газета выходит по пятницам
Тираж 1020
Индекс 00416
50 номеров в год

Редактор Е. М. МОЛЧАНОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

141980, г. Дубна, Московской обл., ул. Франка, 2.

ТЕЛЕФОНЫ:

редактор – 62-200, 65-184
приемная – 65-812
корреспонденты – 65-181, 65-182,
65-183.

e-mail: dnsp@dubna.ru

Информационная поддержка –
компания КОНТАКТ и ЛИТ ОИЯИ.

Подписано в печать 27.4 в 13.00.

Цена в розницу договорная.

Газета отпечатана в Дубненской типографии Упрполиграфиздата Московской обл., ул. Курчатова, 2а. Заказ 352.

Сообщение в номер

Достижение мирового класса!

Новое направление современной физики высоких энергий – физика топ-кварков – создается сотрудничеством «CDF», исследующим протон-антипротонное взаимодействие на Тэватроне Лаборатории имени Ферми.

Группой ученых, входящих в «CDF», измерена масса топ-кварка с точностью, превзошедшей ранее известное так называемое «мировое среднее» значение этой величины, играющей фундаментальную роль в теории.

Среди физиков, внесших ключевой вклад в достижение этого уни-

кального успеха, – ученые ОИЯИ Ю. Будагов и Г. Члачидзе. 21 апреля 2005 года об этом объявлено в апрельском издании «ФНАЛ сегодня» и приведено значение измеренной величины: $M(\text{ТОП}) = 173,5 \text{ ГэВ}/c^2$ с погрешностью несколько более 1 процента по статистике и по систематике. Другая интернациональная группа, включающая В. Глаголева (мл.), А. Сисакяна, И. Сулова, измеряет $M(\text{ТОП})$ независимой методикой. Напомним, что этот удивительный кварк почти столь же тяжелый, как атом золота!

(Соб. инф.)

Юбилейный семинар

26 апреля в Лаборатории теоретической физики имени Н. Н. Боголюбова состоялся общелабораторный семинар, посвященный 75-летию профессора Б. М. Барбашова, известного физика-теоретика, ученика Д. И. Блохинцева. Открыл семинар вице-директор ОИЯИ профессор А. Н. Сисакян. Он сердечно поздравил юбиляра с днем рождения, отметив его заслуги перед наукой. С поздравлениями выступили заместитель директора ЛТФ А. С. Сорин, профессор В. Н. Первушин и другие сотрудники ОИЯИ. С научным докладом «Гамильтонова теория возмущений в космологии» выступил профессор А. Ф. Захаров (ИТЭФ, Москва), соавтор Б. М. Барбашова по многим научным работам.

Научному центру

прикладных исследований – 15 лет

Фундаментальные и прикладные исследования, развитие высоких технологий, исследования в области медицины, ядерной безопасности, информационных технологий, экологии, материаловедения, нанотехнологий и других направлений – результатам этой деятельности НЦЕПИ посвящена выставка, которая открылась в Доме международных совещаний 25 апреля пресс-конференцией с участием дубненских и московских журналистов. Им были продемонстрированы разработки, выполненные учеными и специалистами центра в лабораториях Института.

На информационных стендах и в конкретных образцах запатентованных НЦЕПИ приборов были, в частности, представлены программные средства по охране, контролю и учету хранения ядерных материалов, внедряемые на российских АЭС, разработки на основе чистой (деионизированной) воды, открывающие широкие возможности в науке и медицине, уникальные установки для исследования пространственно-частотных характеристик вещества. В НЦЕПИ было получено

принципиально новое вещество – гетероэлектрик и открыт новый вид лазерного излучения, на основе которого предложено создание нанолазера.

На пресс-конференции с участием вице-директора ОИЯИ профессора А. Н. Сисакяна, директора НЦЕПИ В. Н. Самойлова и его коллег и «смежников», представлявших различные научно-исследовательские организации России, шла речь о том, что уже сегодня есть реальная основа для внедрения в рамках технопарка, который планируется создать в Дубне, более двадцати высоких технологий, разработанных специалистами НЦЕПИ.

Для директора НЦЕПИ, доктора философских и кандидата технических наук В. Н. Самойлова нынешний апрель оказался вдвойне праздничным – наряду с 15-летием центра он отметил и свое 60-летие. Ему вручен орден «Звезда Циолковского», высшая награда Международной академии информатизации – в знак признания выдающихся достижений в науке и космонавтике.

(Соб. инф.)

О доблести, о подвигах, о славе...

...Красные гвоздики и рисунки детей – в память ветеранам об их войне. О той войне, которую внуки и правнуки представляют по книгам, фильмам, дедовским рассказам. И – воспоминания ветеранов, которые всегда с ними. Уже шестьдесят лет.

Когда-то прочел я в журнале «Искатель» поразивший меня рассказ – о последнем солдате Отечественной войны, который, собрав силы, приходит 9 Мая на Красную площадь. Один. Последний.

Тают их ряды, все меньше их в праздничных колоннах. И тем дороже их воспоминания о фронтовом товариществе. О доблести, о подвигах, о славе. Тем больше и

острее воспринимается все, что нас сегодня окружает, – с их точки зрения. Их – пехотинцев, разведчиков, артиллеристов, авиамехаников, их – ученых и инженеров, ковавших «атомный щит», их – мальчишек и девчонок, лишенных нормального детства, напряженным трудом в тылу приближавших заветную Победу.

22 апреля Музей истории науки и техники ОИЯИ собрал в своих стенах сотрудников Института – ветеранов войны и тружеников тыла. Вечер должен был вести профессор Вадим Васильевич Волков, но он оказался на сборах – среди тех ветеранов, которые проедут в «полупуторках» по брусчатке Красной площади в день Военного парада. А, впрочем, что значит – вести? Ведь в зале музея собрались те, кто, едва расставшись со своими фронтовыми кителями, шинелями и гимнастерками, по законам боевого братства закладывал в Дубне основы будущего научного центра. И не были они никогда ведомыми, а все – ведущие.

В моей репортерской памяти Степан Васильевич Федук на апрельских субботниках в Лабо-

ратории высоких энергий – в синем военном кителе, всегда стройный и подтянутый. Как и на пульте синхрофазотрона, где к моменту пуска ускорителя оказалось немало их – фронтовиков. Или Юрий Михайлович Попов и Зоя Алексеевна Попова, чьи армейские гимнастерки из лендлизингового американского

Перед началом дружеской встречи ветераны познакомились с выставкой рисунков и шаржей Евгения Минина, на которой В. Ф. Никитин и сделал это фото на память.

сукна хорошо знают в школах города, где они уже столько лет проводят Уроки мужества.

Профессор Петр Степанович Исаев сообщает коллегам приятную весть – только что сдана в печать в Издательский отдел большая книга, посвященная 50-летию Института. В содержимом сотен ее страниц – немалый вклад тех, кто пришел на эту встречу. И не удерживается Петр Степанович, чтобы не посоветовать: «Сейчас по телевидению, в СМИ стали часто обращаться к истории, показывают войну, и во многих современных фильмах мы видим грязных, оборванных солдат, необразованных офицеров. Ну, скажите, как такая армия могла разгромить гитлеровскую военную машину?».

– А я расскажу о фронтовом братстве, о взаимовыручке, – вступает в беседу Степан Васильевич Федук. Был такой случай под Полтавой. Сняли нашу батарею с передовой для обороны штаба армии. И вот часов в одиннадцать видим, как два немецких самолета «зажали» наш истребитель Як-7 и

(Окончание на 4-й стр.)

Из предпраздничной почты

Уважаемые ветераны Великой Отечественной войны! Поздравляем вас с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне! Победа стала возможной благодаря вашему мужеству, героизму, высокому чувству долга и безграничной любви к Родине, проявленным как бойцами на полях войны, так и тружениками тыла на заводах, в конструкторских бюро и лабораториях. Желаем вам крепкого здоровья, долголетия и благополучия. Здоровья и благополучия вашим родным, внукам и правнукам. Много радости в эти праздничные дни от общения с однополчанами и сверстниками.

С глубоким уважением,
болгарское землячество в ОИЯИ.

* * *

Глубокоуважаемые ветераны Отечественной войны! По случаю 60-летия победы над фашистами во второй мировой войне от имени всех вьетнамских сотрудников ОИЯИ поздравляем вас с праздником Великой Победы. Вьетнамский народ прекрасно понимает, что такая война дорого обошлась советскому народу, унесла жизни не менее 28 миллионов человек. В нашей победе над американским агрессором мы получили большую помощь от СССР, и в этой помощи есть заслуга ветеранов Отечественной войны и труженикам тыла самые искренние пожелания крепкого здоровья и счастья в жизни.

От имени вьетнамских
сотрудников ОИЯИ
доктор Нгуен Мань Шат

* * *

Уважаемые дубненские ветераны Великой Отечественной Войны! От имени работающих в Объединенном институте ядерных исследований сотрудников Корейской Народно-Демократической Республики сердечно поздравляем вас с шестидесятой годовщиной великой Победы. Желаем вам крепкого здоровья, счастья и долгих лет жизни!

Руководитель национальной группы
КНДР в ОИЯИ Ли Ен Че.

* * *

Уважаемые участники войны! Всех вас сердечно поздравляю от имени польских сотрудников ОИЯИ. Всегда будем помнить, что вы освобождали и нашу Польскую землю. На Российской земле были сформированы польские вооруженные силы, солдаты которых вместе с вами боролись с нацизмом. Никогда не забудем тех, кто ценой своей крови и жизни принес Победу в той войне.

Руководитель
польского землячества
В. Хмельовски.

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

ведут его к вражеской территории. Летчик, видно, молодой, боекомплект расстрелял, и никак от немцев не может отвертеться. Надо выручать товарища! Оружие – к бою. Но хорошо, если немцев задену, а ну как в своего попадешь? Судить будут! Но решил: если придется отвечать, сам и отвечу. Навел 37-миллиметровую пушку и выстрелил. Смотрю, один немец начинает в сторону заваливаться, может быть, даже задело его. Тогда даю команду стрелять всей батарее. Немцы – врассыпную, отстали. Спасенный летчик нам благодарно крыльями помахал и повернул к своему аэродрому. На следующий день он снова над штабом появился, уже в паре. И два круга над батареей сделал – дескать, спасибо, ребята, за выручку!

Множество событий, больших и малых, вместили их жизни. Яркие боевые эпизоды и... радости мирного труда на отвоеванной ими земле. Гордость за страну – их так воспитывали. И не случайно же в память Юрия Михайловича Попова вслед за победным маем встроилось другое событие – полет Юрия Гагарина, незабываемое 12 апреля 1961 года. Что творилось в этот день в Лаборатории ядерных реакций! Написали на белом полотне огромными буквами «Ура Гагарину!». И на митинге все стояли такие счастливые...

– Уж не знаю, как сказать, к сожалению или к счастью, но на фронте я не был. И могу рассказать только, как мы готовились к следующей войне, или, наоборот, старались ее предотвратить, – таким был «зачин» рассказа профессора Юрия Сергеевича Замятнина. Это было недалеко от Арзамаса, в КБ-11. Молодой тогда физик занимался измерением критмасс оружейного плутония, вместе с «флеровской» командой неоднократно бывал на Семипалатинском полигоне. Когда ехали на первые испытания «сахаровской слайки» в 1953 году, большие станции, на которых останавливался эшелон, были оцеплены охраной, а все люди – эвакуированы. На лицах охранников была некоторая растерянность – только что по радио объявили об аресте Берии, а они принадлежали к его ведомству.

Подробный рассказ о самом взрыве и последовавших за этим измерениях был очень вниматель-

но встречен коллегами. Но, пожалуй, еще больший интерес вызвал следующий эпизод: «Меня вызвали в Москву, я тогда руководил группой ядерщиков и газодинамиков. Зачем – не знал. А оказалось – на прием в Кремль, в правительство. В чем был, в том и приехал, в светлом костюмчике из чесучи. С докладом выступал Юлий Борисович Харитон, а потом, представляя меня государственным чинам, как бы извинился за мой «непарадный» вид: «Это товарищ Замятнин, он прямо с самолета». Хрущев после доклада сказал: «Не знаю, уж, как у вас, ученых, а у нас в это время положено обедать». В большом зале были накрыты столы, собрались члены Политбюро ЦК и правительства. Никита Сергеевич, судя по всему, был очень доволен, и свою вступительную речь держал (я заметил по часам) 35 минут...».

Трогательные стихи Юлии Друниной вспомнились мне, когда слово взяла Ирина Петровна Кузнецова, ветеран Лаборатории ядерных реакций, которая вместе со своими подругами, 15-17-летними девочками, разгружала эшелоны с 50-килограммовыми авиабомбами на узкоколейке под Тамбовом. «Качается рожь несжатая. Шагают бойцы по ней. Шагаем и мы – девочки, похожие на парней... Нет, это горят не хаты – то юность моя в огне. Идут по войне девочки, похожие на парней...».

Воспоминания Павла Сергеевича Анцупова, Краснослава Александровича Гаврилова, Александра Дмитриевича Кириллова, Станислава Александровича Аверичева, Евгения Васильевича Ефремова дополнили многими штрихами этот коллективный рассказ о пути к Великой Победе, о том, как вчерашние солдаты, сержанты и офицеры запускали ускорители и реакторы и творили уже новую историю.

Об этой истории когда-то очень хорошо сказал в своих уже послевоенных стихах ветеран Лаборатории высоких энергий Евгений Петрович Устенко: «Человек не создан для войны...» В этих стихах, с которыми автор познакомил меня более двадцати лет назад, были и образная символика победного мая, и чувство горечи от утрат, и радость за доживших. В них были строки о памяти, которая и тиранит, и лечит. И, когда ветераны уже стали расходиться, я услышал от Евгения Петровича:

Под знаменем Ленина, под водительство
Сталина — вперед, за разгром немецких
окопанных и шагание их из пределов
нашей Родины!

«Все схвачено!». Так он сформулировал свои ощущения на современном витке общественного бытия. На пленке диктофона остался глухой голос, чеканящий образы, почему-то вызвавшие в памяти хрестоматийные лермонтовские строки «вы, жадною толпой стоящие у трона...»

*Как живете, властные структуры,
Взнуздавшие блудливую судьбу?
Жируете, продажные натуры,
У нищего народа на горбу!
Куда ни ткнишь – все схвачено,*

все глухо,

*И от похмелья стонет естество.
Война в России стала бытовухой,
И бизнесом – крутое воровство.
Враждебный мир страданий,
лжи и страха,*

И некому тоску свою излить...

*Россия – как бездомная собака,
Которую не жалко пристрелить.*

На этой встрече нет-нет да и проскальзывали нотки неприятия многих телепрограмм, газет, журналов, с которыми они вынуждены жить сегодня, прорывалась обида за некогда великую страну, служению которой они посвятили свои жизни. И ведь так хочется, чтобы именно они жили в душевном покое, в ладах со своими близкими и со всей страной.

Но ведь у вас и у нас есть ваша Победа, которую никто не сможет ни отнять, ни отспорить... С праздником вас, дорогие ветераны! Здоровья вам и благополучия. Мы вами гордимся! Во всяком случае, примерно так говорили им на прощание гостеприимные хозяева и организаторы встречи – Г. Л. Варденга, В. Ф. Никитин, А. С. Шкода, В. Д. Ефимова.

Евгений МОЛЧАНОВ

Когда фронтом стала вся страна

В дни Великой Отечественной войны ученые, стоявшие у истоков нашего Института, чьими именами названы улицы Дубны, вносили свой вклад в дело великой Победы. Этой теме были посвящены публикации в нашей газете, ряд материалов, вышедших в других изданиях и книгах. В преддверии 60-летия Победы мы решили вновь обратиться к военным мемуарам, чтобы новое поколение сотрудников Института знало об этих страницах биографий ученых, чьи имена вписаны и в историю науки, и в эпопею освобождения от вражеского нашествия.

Член-корреспондент АН СССР Дмитрий Иванович Блохинцев, директор ОИЯИ (1956–1965 гг.), директор Лаборатории теоретической физики (1965–1979 гг.).

В годы войны Д. И. Блохинцев почти полностью переключается на работу по оборонной тематике в области акустики и вскоре становится ведущим специалистом в этой области, создателем акустики неоднородных и движущихся сред.

Исходя из уравнений газогидродинамики, Д. И. Блохинцев получает уравнения акустики для самого общего случая..., на основе которых он выводит ряд акустических законов..., объясняет и рассчитывает разнообразные акустические явления в движущихся и неоднородных средах (в том числе турбулентных), касающихся, с одной стороны, механизма генерации шума, а с другой – методов и средств его приема. Сюда относятся, в частности, излучение звука пропеллеров, распространение звука в турбулентной среде, возбуждение резонаторов потоком и методы снижения такого возбуждения, ветрозащита приемников звука от крупно- и мелкомасштабных флуктуаций набегающего потока и ряд других, составляющих основу теории акустического перехвата самолетов и подводных лодок...

Идеи Дмитрия Ивановича Блохинцева, подчеркнувшего единство физических представлений аэродинамики, акустики и электродинамики, положили начало весьма плодотворной акустико-электродинамической аналогии и стали основой новой теории генерации звука и многих технических приложений...

За работы по акустике Д. И. Блохинцев награжден орденом Ленина (1946 г.). Некоторые работы вошли в его монографию «Акустика неоднородной и движущейся среды» (М., «Наука», 1946 г. и 1981 г.), изданной дважды в СССР и дважды за рубежом.

Интересна судьба этой книги. Уже к концу войны все специалисты отдавали должное ее теоретическому уровню, но многие не видели ее практической ценности. Однако уже в начале 50-х годов в связи с бур-

ным ростом скоростей реактивной авиации и увеличением аэродинамического шума и промышленных шумов вдруг обнаружилась исключительная перспективность изложенных в ней идей в десятках направлений...

В 1945 году Д. И. Блохинцев назначается заместителем И. В. Курчатова, возглавлявшего организацию, занимавшуюся атомными проблемами в СССР, участвует в создании и расчетах важных государственных проектов, в овладении атомной энергией, жизненно важной для нашей страны, руководит большими научными коллективами и проектами, активно участвующими в создании атомной науки и техники.

(Из книги «Дмитрий Иванович Блохинцев», Дубна, 1995 г.)

* * *

Академик Николай Николаевич Боголюбов, основатель и первый директор Лаборатории теоретической физики (1956–1965 гг.), директор ОИЯИ (1965–1989 гг.), почетный директор Института (1989–1992 гг.).

Академик Н. Н. Боголюбов в годы войны занимался вопросами совершенствования авиационных двигателей, рядом других практических задач, имеющих значение для обороны страны. Вот что пишет об этом в своей книге «Н. Н. Боголюбов. Жизнь. Творчество» (Дубна, 1996) брат ученого Алексей Николаевич Боголюбов:

21 июля 1941 г. в Уфе состоялось первое заседание Президиума Академии наук УССР. Все научно-исследовательские организации были объединены в 15 научно-исследовательских учреждениях. Институт строительной механики входил в отделение физических наук, а объединенный институт физики и математики – в отделение физико-химических и математических наук.

До Уфы семья Боголюбовых добралась не без приключений. Сейчас даже трудно представить, что собой представляли поезда, движущиеся на восток, заполненные эвакуированными. Не хватало всего: пищи, воды, медицинского обслуживания, наконец, самых элементарных удобств.

...И в тот же миг серебряным
звучаньем
столицы позывные запюют.
Знакомый голос вымолвит:

«Вниманье...»,
а после трубы грянут, и салют,
и хлынет свет,
зальет твою квартиру,
подобный свету радуг и зари,
и всею правдой,

всей отрадой мира
твое существование озарит.

Ольга Берггольц,
22 апреля 1945.

Длительные задержки на станциях и стоянки в поле, налеты вражеской авиации – все это пришлось пережить...

В Уфе Николай Николаевич работал над решением некоторых задач оборонного значения: у него возникли новые идеи, связанные с развитием проблем нелинейной механики...

Еще в последние предвоенные годы Николай Николаевич заинтересовался вопросами статистической физики. Теперь, в Уфе, он изучает труды Больцмана и Гиббса, стремясь «перекинуть мостик» между идеями теории колебаний и статистическими методами. От статистических и вероятностных методов он переходит к квантовой механике, идеи которой, опять-таки, переключаются с его мыслями, направленными на дальнейшее развитие нелинейной механики...

К уфимскому периоду деятельности Н. Н. Боголюбова относится разработка двух методов, принадлежащих в сущности, к обоим направлениям его размышлений, – метода интегральных многообразий и метода усреднения. Оба эти метода сформулированы и описаны в его монографии «О некоторых статистических методах в математической физике», опубликованной в 1945 г.

* * *

Академик Владимир Иосифович Векслер, директор Лаборатории высоких энергий (1956–1966 гг.).

В начальный период Великой Отечественной войны В. И. Векслер, как и другие советские ученые, напряженно искал приложения своих знаний и опыта для оказания помощи фронту, связывая это не только со своей узкой специальностью. Будучи широко эрудированным как в области физики, так и в технике и являясь настоящим генератором новых научных идей, Владимир Иосифович обратил внимание на акустическое направление, имевшее еще в довоенное время приложения в оборон-

(Окончание на 6–7-й стр.)

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

ной технике – в обнаружении по звуку самолетов и морских объектов, артиллерийской разведке и пр.

...Осенью 1941 г., когда многие академические институты, и в том числе ФИАН, были эвакуированы в Казань, Владимир Иосифович выдвинул идею совершенствования акустических средств обнаружения источников шума на основе замены оператора электронным устройством..., основанным на методе совпадения сигналов от нескольких датчиков, широко применяемом в физике элементарных частиц... Опыты В. И. Векслера ознаменовали начало новой эры в обработке сигналов как в акустике, так и в радиолокации, связи и других областях.

...Стремясь оказать помощь нашей авиации, которая вела тяжелые бои с немецко-фашистскими стервятниками, он остановился на трудной технической задаче – создании устройства для обнаружения воздушных целей с самолета. Для проведения изысканий в этом направлении под руководством В. И. Векслера была организована группа, в которую входили теоретики Д. И. Блохинцев и Е. Л. Фейнберг и сотрудники лаборатории атомного ядра П. А. Черенков, Л. В. Грошев и инженер В. А. Хволес. Участвовать в работе Владимир Иосифович предложил и мне – тогда сотруднику акустической лаборатории ФИАНа...

Предложение о разработке гидроакустического варианта было сделано В. И. Векслером и Е. Л. Фейнбергом в 1944 г. ...Авторское свидетельство на объективный обнаружитель-пеленгатор было выдано авторам в 1944 г., а публикация была сделана только через 33 года в 1977 г. в «Трудах ФИАН». Приборы, в основе которых лежит эта схема, впоследствии получили название коррелятора на совпадениях, и это был первый в мире коррелятор...

Изложенное охватывает только небольшую страницу в блестящей научной биографии Владимира Иосифовича Векслера – выдающегося советского ученого физика...

(Из статьи Ю. М. Сухаревского «В годы войны», в сб. «Воспоминания о Векслере», М., «Наука», 1987 г.)

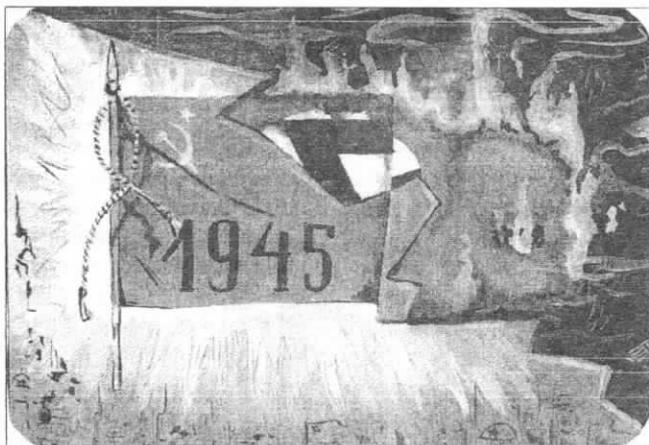
Член-корреспондент АН СССР Венедикт Петрович Желепов, директор Лаборатории ядерных проблем (1956–1989 гг.), почетный директор ЛЯП (1989–1999 гг.).

...Сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну я услышал по радио 22 июня в 12 часов дня... Через несколько дней в конференц-зал ин-

ститута были приглашены все молодые сотрудники ФТИ, и А. Ф. Иоффе объявил, что... буквально с завтрашнего дня все присутствующие в этом зале переводятся на оборонные работы...

В течение следующего месяца ядерные лаборатории были расформированы. И. В. Курчатов с сотрудниками своей основной лаборатории перешел на работы по размагничиванию кораблей, которыми руководил в Физтехе в то время профессор А. П. Александров (позже президент АН СССР). М. С. Козодаев и я были направлены в лабораторию профессора Ю. Б. Кобзарева (ныне академика), возглавлявшего в Физтехе работы по радиолокации самолетов.

Институту было приказано срочно эвакуироваться в Казань... 23 августа буквально с последним эшеленом мы поздно вечером прошли на восток через станцию Мга. Как потом выяснилось, через несколько часов немцы варварски ее разбомбили и замкнули Ленинград в кольцо блокады. В Казань мы прибыли в первой декаде сентября. Лаборатория Ю. Б. Кобзарева уже начала работать. М. С. Козодаев, до этого много работавший в лаборатории А. И. Алиханова над созданием электроники для ядерно-физических исследований и хорошо знавший радиотехнику, легко вошел в курс новых разработок. Мне было много труднее, тем более что радиолокационная техника очень специфична и резко отличается от общей радиотехники, с которой я как-то еще был знаком. Юрий Борисович был прекрасным, внимательным руководителем, а его ближайшие сотрудники – высококвалифицированные специалисты Н. Я. Чернецов и П. Н. Погорелко приняли нас очень радушно, и дело пошло. Лаборатории было поручено создать станцию орудийной наводки. Все, начиная с руководителя и включая механиков, работали напряженно, с утра до позднего вечера. Были трудности, не всегда могли быстро найти нужные детали и материалы. Мастерские не справлялись в срок с заказами. Но все было преодолено, и в ноябре 1942 года станция была готова. Мы ее смонтировали на автоприцепе. В декабре, разместив саму станцию в товарном вагоне, а прицеп на платформе, Н. Я. Чернецов, я и механик с одним из военных эшелонов отправились в

Лиза Ильина, 11-а класс, гимназия № 3.

Москву. Так как в вагоне было очень холодно, то обогревались мы кергазом, тем самым грубо нарушая существующие железнодорожные правила.

В середине декабря мы сдали станцию на полигонные испытания. Работа получила хорошую оценку. Это явилось одним из вкладов физтеховцев в дело обороны страны...

(В. П. Желепов, из воспоминаний «Вклад внес каждый», еженедельник «Дубна», 8 мая 1985 г.)

* * *

Член-корреспондент АН СССР Михаил Григорьевич Мещеряков, основатель и первый директор Лаборатории вычислительной техники и автоматизации (1966–1988 гг.), почетный директор ЛВТА (1988–1994 гг.).

В 1940–41 годах я работал заведующим циклотронной лаборатории Радиевого института Академии наук СССР... Когда началась война, я вступил добровольцем в народное ополчение и был зачислен в состав 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения. В этой дивизии пробыл недолго, что-то около месяца. Дивизия была составлена из научных работников, инженеров, конструкторов, в ней было много таких, как я, младших лейтенантов запаса. Поэтому большую часть из нас, в том числе и меня, откомандировали в другие части, где не хватало офицеров. В начале сентября, таким образом, я был переведен в 261-й артиллерийский дивизион, который оборонял от наступающих фашистов город Колпино. Советские войска оказали героическое сопротивление превосходящим силам противника, но были вынуждены отступить. Ленинград очутился в кольце блокады.

17 сентября я был легко ранен и контужен, но остался в строю. Воевал до 20 ноября 1941 года. Однако последствия контузии оказались тяжелыми, и меня отправили в госпиталь, где дважды оперировали, дол-

го лечили. После выхода из госпиталя, 26 июня 1942 года, меня переправили за линию фронта через Ладожское озеро.

Во время блокады, в 1941-42 годах, моя семья – жена, дочка и мать оставались в Ленинграде, пережив со всем мужественным населением этого города голод и холод, варварские бомбардировки гитлеровцев. И только весной в апреле 1942 года они были переправлены по «дороге жизни» через Ладожское озеро и затем выехали на восток страны.

В июле 1942 года я добрался до Казани, куда еще осенью 1941 года были эвакуированы ленинградские институты естественного профиля, в том числе и Радиевский институт. В конце 1942 года в Казань приехал Игорь Васильевич Курчатов, до этого занимавшийся размагничиванием кораблей на Черном море. Вокруг Курчатова начали собираться его ученики и бывшие сотрудники. Все горело желанием возобновить работы по «урановой проблеме»...

*(М. Г. Мещеряков,
«По зову Родины»,
еженедельник «Дубна»,
8 мая 1985 г.)*

* * *

Академик Георгий Николаевич Флеров, основатель и первый директор Лаборатории ядерных реакций (1957–1990 гг.).

...Вероломно начатая война преврала наши исследования. Всем нам казалось, что исход схватки двух огромных сил будет ясен довольно быстро. И поэтому Курчатов не считал возможным дальше тратить усилия на ядерную физику, которая в этот момент казалась ему чем-то слишком далеким от жизни, от войны...

Я вступил в народное ополчение, но вскоре меня направили на курсы инженеров по спецоборудованию самолетов в Йошкар-Олу, где в течение четырех месяцев мы изучали авиационную технику. Тогда у нас появились пикирующие бомбардировщики, знаменитые потом «Пе-2». Задача заключалась в том, чтобы освоить автоматизацию для вывода из пике во время бомбометания. Самолеты обладали высокой скоростью, и пилот часто терял сознание от перегрузок. В таких случаях выводить самолеты из пике должна была автоматика. Нас и готовили для того, чтобы эффективно использовать на фронте новую боевую технику.

Из сводок Совинформбюро мы узнавали, что фашисты рвутся к Москве. Я подал рапорт с просьбой, чтобы меня направили на фронт. Мне отказали. Потом после разгрома немцев под Москвой стало ясно, что война будет затяжной. Мысли все больше и больше возвращались

к ядерной физике, к тому, чем мы занимались в мирное время...

Закончив курсы в Йошкар-Оле, я получил направление в одну из разведывательных авиаэскадрилий на Юго-Западном фронте и приступил к службе. После очередной передислокации наша часть оказалась в Воронеже, где осталась незавакуированной университетская библиотека. Просматривая американские физические журналы, которые несмотря на войну туда каким-то чудом попали, я очень хотел найти какие-либо подтверждения нашей работы по спонтанному делению или отклики на нее. Но их не было, как и вообще не было в последних журналах никаких статей по проблеме деления урана, причем, не было не только статей ученых Англии и Франции – европейских стран, ввергнутых в мировую войну, но и статей ученых США. Становилось ясно, что публикации работ в этой области прекращены.

Я забил тревогу! Писал в Президиум Академии, в Государственный комитет обороны, наконец – И. В. Сталину.

К середине 1942 года в ГКО уже имелось достаточно сведений о том, что работы по созданию атомной бомбы ведутся как в фашистской Германии, так и в США. В октябре 1942 года Курчатов был вызван в Москву, и ему было поручено подготовить развитие работ в этой области в Советском Союзе и возглавить практическое создание ядерного оружия. Тот факт, что разработка научных основ «урановой проблемы» была начата еще в предвоенные годы, во многом определил успех в решении этой грандиозной и жизненно важной задачи.

*(Из воспоминаний,
опубликованных в газете
«Московские новости», 1985, N 16)*

* * *

Академик Илья Михайлович Франк, основатель и первый директор Лаборатории нейтронной физики (1957–1988 гг.), почетный директор ЛНФ (1988–1990 гг.).

...Как только был объявлен призыв в народное ополчение, мы, сотрудники ФИАНа, естественно, стали стремиться на фронт, но один за другим получили отказ... Лишь годы спустя стало ясно, что тогда советским правительством было принято исключительно дальновидное решение: несмотря на трудности войны, сохранить научные кадры, научный потенциал страны. Почти все финансы получили бронь...

После прибытия в Казань мы сразу встали перед проблемой, чем заниматься. Нужно было изменить тематику научных исследований и быстро включиться в работы, необходимые для фронта. Связь теории

с практикой в то время приобретала первостепенное значение...

Всем известно, что Д. В. Скобельцын с помощью камеры Вильсона сделал замечательные работы по гамма-лучам, по комптон-эффекту, провел исследования бета-излучения и впервые применил не только магнитное поле, но и стереоскопические фотографии, на которых можно было видеть события во всех деталях. Дмитрий Владимирович сразу же стал думать, не пригодится ли это в госпиталях. Он разработал метод стереорентгеновских снимков, был сделан специальный прибор, с помощью которого можно точно определить положение осколка в теле раненого. Прибор испытывал сам Н. Н. Бурденко, главный хирург Красной армии.

Вместе со своим аспирантом О. Н. Вавиловым я занимался вопросами исследования гамма-лучей ионизационным методом. На его основе был разработан прибор для измерения стенок стволов стрелкового оружия. Задача оказалась не очень простая, так как зафиксировать внутри ствола положение радиоактивного источника было весьма сложно. Когда ствол поворачивали, положение источника изменялось, и это приводило к ошибкам в измерениях. Был предложен компенсационный метод с использованием ионизационных камер. Наш прибор, созданный совместно с Институтом машиноведения АН СССР, был практически нечувствителен к малым перемещениям источника излучения, он позволял измерять сталь толщиной до 10 см с точностью не менее десятых миллиметра. Мы сами отвезли прибор на один из уральских заводов, где он был детально проверен, испытан и принят в качестве контрольного.

Хорошо известно сейчас о многих других работах финансовцев, выполненных в военные годы. Огромную пользу принесли работы по акустической локации самолетов, минной акустике на флоте, прибор для контроля клапанов авиационных моторов, специальные светосоставы, дающие световую вспышку под действием инфракрасных лучей (они использовались для целей ночного видения и сигнализации)...

Хочу еще добавить, что в военную пору мы считали главной задачей помогать фронту всеми силами и в первую очередь делать то, что может быть полезно сию минуту. Но позднее мы убедились: многие работы военных лет оказались ценны и потому, что в них были заложены перспективные идеи, получившие потом развитие...

*(И. М. Франк,
из воспоминаний «Думая о
будущем», еженедельник
«Дубна», 8 мая 1985 г.)*

С судьбой страны одна судьба

В 1958 году Зоя Алексеевна и Юрий Михайлович Поповы приехали в Дубну. Юрий Михайлович начал работать в ЛЯР, потом начальником отдела кадров ОИЯИ, а с 1968 года – в ЛВЭ. Зоя Алексеевна пришла работать в библиотеку. В табели о рангах они занимали разные должности, но в работе супругов Поповых всегда объединяло бережное, внимательное отношение к людям.

Все остается людям

Когда З. А. Попова уходила на пенсию из Научно-технической библиотеки ОИЯИ, ее заведующая А. И. Пасюк так сказала: «За 22 года, что Зоя Алексеевна у нас проработала, она никому слова плохого не сказала, никого не обидела, к читателям всегда была доброжелательна». А ведь так их, семерых детей, воспитала мама – в доброте и отзывчивости.

Наверное, поэтому уже тридцать шесть лет Зоя Алексеевна работает в городском Совете ветеранов – стремится чем-то помочь каждому, не жалея собственного времени, здоровья, сил. «Жила в Дубне Т. В. Терехова, единственная женщина – кавалер ордена Отечественной войны I степени. Когда она уже тяжело болела, очень просила меня похлопотать, чтобы похоронили ее на старом кладбище. Мне удалось получить такое разрешение – она была очень довольна, перестала переживать».

Совет ветеранов, имея такой «мотор», как Зоя Алексеевна, организует для дубненских ветеранов войны и труда встречи, чаепития, одним словом, – маленькие праздники в неспешных буднях. Так, в прошлом году было организовано десять встреч, в том числе отметили 60-летие прорыва блокады Ленинграда и дубненские блокадники. Отметили, благодаря усилиям Зои Алексеевны, нашедшей спонсоров, потому что у городского управления социальной защиты денег не оказалось.

«Первый раз в Дубне была такая встреча. Накрыли стол, была музыка, люди многое вспоминали – вспоминают, а сами плачут... Спасибо Центру космической связи и Институту физико-технических проблем, что помогли эту встречу организовать... Собирали мы участников войны, организовали чаепитие для вдов, 25 марта пригласили на праздник пенсионеров – ветеранов труда, уже не работающих в ОИЯИ, – они были очень довольны, а то, получается, люди ушли на пенсию и все про них забыли. Спасибо дирекции ОИЯИ за заботу и внимание. Каждый год 9 мая мы собираем колонну ветеранов войны к

Мемориалу на Большой Волге. Проводим беседы в школах города – мы с Юрием Михайловичем, Петр Степанович Исаев, Иван Сергеевич Марьин, Борис Николаевич Демин, Матвей Рафаилович и Ираида Сергеевна Шалаевские.

На годовщину Орловско-Курской битвы впервые встретились дубненские участники этого исторического сражения. В этом году мы тоже уже провели четыре встречи – для участников войны, женщин-тружениц тыла, вручили в торжественной обстановке медаль «60 лет Победы в Великой Отечественной войне» – наши ветераны и попели, и поплясали. А ведь эти медали хотели разносить по домам – получил, расписался и весь праздник! Совет отмечает юбилеи наших ветеранов войны и труда – поздравительные открытки от главы города и коробки конфет разношу по домам сама, часто приходится пешком подниматься на пятый этаж, а ноги уже не ходят. Надо, наверное, прекращать эту работу, хотя я без нее скисну».

Зоя Алексеевна

Навсегда остались в памяти Зои Алексеевны и Юрия Михайловича годы войны. Смятение первых месяцев отступления, горечь потерь, неуменьшающееся желание отстоять Родину. Прошло 60 лет, но помнятся не только боевые эпизоды, но и фамилии, даты, номера частей.

Весна и победа.

Дни песен и света.

Два солнечных

дивно скрещенных луча.

Два счастья. Два свежих,

два ярких букета,

завязанных крепкой

тесьмой кумача...

Не горечь разлук,

не прощальные речи,

Не тайные вздохи

предчувствий глухих,

а близкие, полные радости

встречи,

не письма, а руки, писавшие их.

Сергей Васильев, 1945.

Вспоминает Зоя Алексеевна: «Я очень благодарна школе и моим учителям, которые воспитали нас в духе патриотизма, добросовестного отношения к любому делу, к общественной работе. Это стало залогом успеха всей моей жизни, помогало и во время войны. Еще в 7-м классе я училась стрелять на курсах ворошиловских стрелков, сдавала нормы ГТО, училась делать перевязки, ползать по-пластунски. Мне очень хотелось в петлицы, писала заявления в аэроклубы – не принимали. Тогда решила: если не удастся летать на самолетах, буду их строить – и подала заявление в МАТИ. Меня приняли без экзамена, но поучиться удалось не долго: началась война, и весь наш институт вскоре эвакуировали в Новосибирск. Жилось в эвакуации трудно, в день выдавали по 200-300 граммов хлеба. И все мы рвались на фронт. Я поступила в кружок радистов. После его окончания подала заявление в военкомат. Но и этих знаний оказалось недостаточно, и меня направили учиться в Красноярск, куда эвакуировалась Харьковская школа младших авиационных специалистов. Так я стала укладчицей парашютов.

Целый эшелон выпускниц этой школы, отправили в Горький. Это было уже в декабре 42-го. А ехали мы до него две недели, в «теплушках», но зато с песнями. Мы заранее договорились: как поезд трогается от станции – запеваем «Прощай, любимый город...». А на станциях женщины плакали, глядя на «девичий» эшелон. Доехали мы до станции Сейма под Горьким, где разместился 171-й Тульский Краснознаменный истребительный авиационный полк. Летный состав переучивался с истребителя Як-4 на истребитель Ла-5 в течение четырех месяцев. В начале мая учеба закончилась, и летчики прямо на

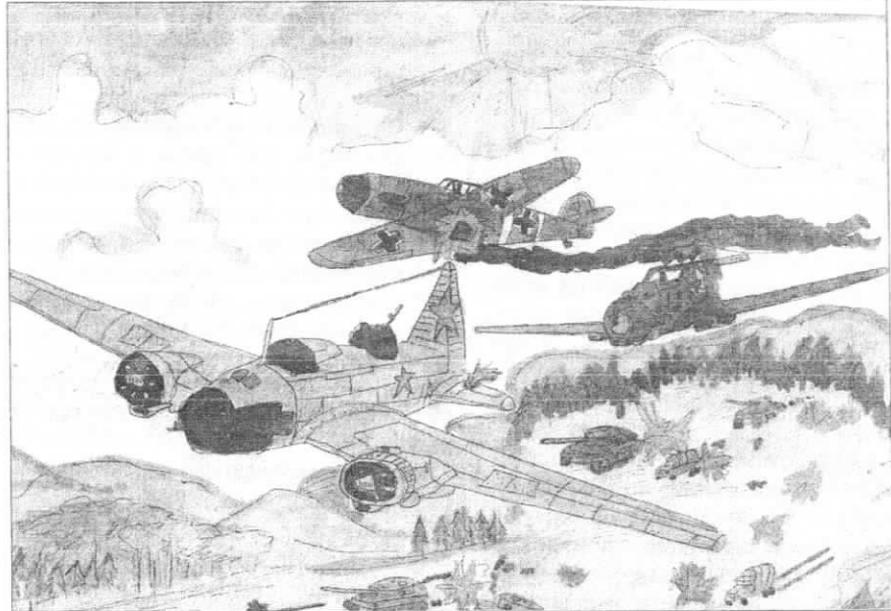
боевых машинах, а технический состав – грузовым «Дугласом» отравились на Брянский фронт.

Знойным летом шли очень жаркие бои – летчики возвращались с вылетов буквально мокрые. У меня сохранились записи – 13 июля 43-го года летчики нашего полка уничтожили в воздушных боях 31 самолет противника. А вообще за 6714 боевых вылетов они сбили 227 самолетов, уничтожили 47 самолетов на земле, 327 автомобилей, 107 вагонов. В полку было шесть летчиков – Героев Советского Союза, два – дважды Героя. Наш полк был очень дружный, как одна большая семья. В том числе и двенадцать девушек из технического состава – мотористов, прибористов, оружейниц, укладчиц парашюта. Парашют огромный, стропы тяжелые, по инструкции полагалось его обязательно просушить, проветрить, а потом уже уложить. Я всегда старалась действовать по инструкции, ведь от меня зависела жизнь летчика – и все мои парашюты раскрылись.

Началось наступление, мы освободили Орел, Брянск, Мценск, потом Ригу. Недавно мы с Юрием Михайловичем побывали в Орле на праздновании 60-летия со дня его освобождения. Нас встречали очень тепло, как самых дорогих гостей. Конечно, город сейчас не узнать: когда мы его освобождали, он был практически весь разрушен. Помню, на улице Московской – ни одного целого дома, осталась одна табличка с названием. Сегодня такая красота – весь город отстроен, и я увидела настоящую улицу Московскую. Даже расплакалась: какие у нас люди, как бы тяжело ни было, так работали, и всё на одном энтузиазме, никто тогда ни о каких премиях, вообще о деньгах не думал.

Когда объявили, что кончилась война, нас такая радость охватила, все кругом стреляли, кричали! Наши девушки сразу отпустили домой, а меня задержали... из-за красивого почерка. И еще до сентября я писала историю полка – специальными чернилами, в двух экземплярах. Кстати, свой экземпляр я увидела относительно недавно в музее в Подольске, увидела и слезы навернулись.

Я вступила в партию в феврале 1944 года. После войны в Ригу приехали из ЦК КПСС и предложили, а, фактически, для меня это был приказ, работать в ЦК Компартии Латвии. Я работала в особом секторе, заведовала протокольной частью, присутствовала на всех заседаниях Центрального комитета. Как

Битва за Москву. Вова Воробьев, 8-л класс, лицей № 6.

то в ЦК пришел Юрий Михайлович утрясти вопросы по работе рыбной промышленности. Мы узнали друг друга – служили-то в одной дивизии, а он, оказывается, меня запомнил еще и по выступлениям самодеятельности. Он стал провожать меня домой после работы – я часто уходила далеко за полночь. Это было совсем небезопасно в те годы – в Латвии активно действовали «лесные братья».

Супруги Поповы живут в мире и согласии уже 56 лет, вырастили детей, подрастают внуки. По мнению Юрия Михайловича, вклад Зои Алексеевны в поддержание их семейного счастья составляет 80 процентов и только 20 – его.

Юрий Михайлович

Сам Юрий Михайлович из казачьего рода. Его дед строил железную дорогу до Коканда, отец стал специалистом по хлопку, директором хлопко-очистительного завода в Фергане. В 1937 году он, работая заместителем управляющего треста «Узбекхлопок», по оговору был арестован. Но через полтора года его оправдали и выпустили на свободу. В 38-м Юрий окончил школу и поступил в Ленинградский университет. Тогда студентов в армию не призывали, но был объявлен специальный набор среди комсомольцев – «100 тысяч летчиков!».

«В авиацию мне хотелось всегда, в школе я закончил аэроклуб, имел значок за два прыжка с парашютом с вышки. Этот значок ценится гораздо выше остальных – ГТО, «Ворошиловский стрелок», «Готов к химической обороне», мы ходили в школе как герои. Но медкомиссию

я не прошел по зрению. Зато в техническую школу авиаспециалистов записаться мне разрешили. Начал учиться на моториста, образование у всех было среднее, но когда спрашивали: «Что закончил?» – мы, студенты, проучившиеся всего 5 дней, гордо отвечали: «Первый курс университета!».

В апреле 1940 года нам выдали белые маскхалаты и белые лыжи, погрузили в вагоны и повезли. Но где-то на полпути поезд остановился, нас построили и зачитали приказ, который мы встретили криками радости, – с Финляндией заключен мир! В той страшной войне мы, к счастью, не успели поучаствовать. После нее, кстати, в армии вспомнили суворовское «Тя-

(Окончание на 10-й стр.)

(Окончание. Начало на 8–9-й стр.)

жело в ученье – легко в бою». Нас начали гонять: стрельбы, марш-броски по 15 километров с полной выкладкой, каждое воскресенье объявлялась учебная боевая тревога. Нас экзаменовали на знание матчасти – проверяли, как отлажено вооружение в самолете, ведь при плохой синхронизации пулеметов можно прострелить собственный винт, и самолет выйдет из строя. Я эту операцию так хорошо освоил, что мне поручили проверять синхронизацию и на других самолетах.

Мы стояли в западной Белоруссии, недалеко от границы, из соображений секретности наш боевой полк назывался стационарными мастерскими, а мы – курсантами. Я проводил политзанятия, и в апреле 41-го мне дали тему – высокий уровень боеспособности немцев. Доклад построил на таких примерах, что Германия захватила Францию за 44 дня, Грецию – за месяц, Югославию – за 8 дней, Польшу – за две недели, Данию – за день... А 16 апреля у нас в гарнизоне вдруг переполюх: забегал командный состав, собрали радистов, нам ничего не говорят. Оказалось, в течение трех часов весь эфир был буквально забит незнакомой морзянкой, а потом все так же неожиданно прекратилось. А у нас тогда даже не на всех самолетах были радиостанции. Как я позже узнал, это была генеральная репетиция проверки связи немецких частей, готовящихся к наступлению.

21 июня я заступил в дежурство по эскадрилье. Весь летный и технический состав уехал на спортивный праздник аж за 110 км. Более того, накануне мы получили приказ слить горючее, снять вооружение с самолетов и подготовить их к отправке, вроде бы, должны были получить новые самолеты. Ночью я, не раздеваясь, прилег, и вдруг в 3 часа слышу взрывы. Учебные тревоги у нас бывали каждое воскресенье, но днем. Выскакиваю на улицу – горят наши самолеты на земле, а над головой летают самолеты с желтыми консолями, в темноте крестов не было видно. Только я отбежал от казарм, и тут же их разбомбили. Собрались мы, 21 человек, оставшиеся в живых из 69, и двинулись в лес...».

Отступать-то отступали, но не без боев. 28 июня красноармейцев из разных частей собрал капитан-артиллерист. Уцелело и несколько пушек. От немцев, которые совсем не ожидали отпора, советских бойцов отделяла неширокая Березина.

Бой был сильным. Так с боями отступали все лето. Осталось их 11 человек младшего технического состава.

«...Из окружения в районе Могилева человек 120 вышли с оружием. Особисты тут же кинулись допрашивать нас: как так, с оружием, с нашивками на форме – и вышли из окружения? Да немцы шли по дорогам, а мы – через лес и без единого выстрела. Но наш ответ их успокоил, ведь возглавлял колонну лейтенант, посередине шел политрук, а замыкал – капитан. Не придерешься.

Были «самострельщики», с ними разбирались быстро. Врач фиксировал ожог вокруг раны, за 15 минут составлялся протокол – и расстрел перед строем. Дважды я такое видел, потом сутки есть не мог – все-таки, это же были товарищи.

Так дошли мы до местечка Локоть, где размещался штаб ВВС 13-й армии. Там составили списки, разобрались по родам войск, и нас приписали к штабу ВВС 13-й армии. До войны авиация была прикреплена к пехоте или артиллерии, только в 42-м году начали создавать воздушные и танковые армии. В октябре немцы прорвались к Орлу, мы отступили к станции Кастронное, в пешем строю, грязь по колено – черноземы. Только отошли – немцы разбомбили станцию. Я мог сгореть еще раньше, в Белоруссии, но судьба хранила меня, хотя я ничего не предпринимал, чтобы избежать ее ударов.

...Когда я остался без самолета, меня, старшего сержанта, назначили на командирскую должность – начальником пункта сбора донесений. Я обрабатывал сведения, поступающие из всех полков армии. Меня избрали секретарем комсомольской организации штаба ВВС 113-й армии, а вскоре предложили поехать учиться в Харьковское военное авиационное училище, эвакуированное в Сталинабад. В Сталинабад надо было ехать через Ташкент, а там оставалась мать. Я, хоть и не сразу (решил сначала, что меня проверяют на прочность), но согласился.

Оттуда я уже попал на Курскую дугу, мы готовили самолеты к боевым вылетам, находясь в тылу. И вдруг меня опять отправляют в училище в Сталинабад. Мне очень не хотелось уезжать. После учебы нас распределяли по всем фронтам, начиная с Первого Прибалтийского и кончая Вторым Дальневосточным. Мне же достался запасной полк Приволжского военного округа. Я стал командиром роты воздушных

стрелков-радистов. Они, фактически, были смертниками, а потому вытворяли, что хотели, зная, что в штрафную роту их все равно не пошлют. В роте был один испанец – из детей, вывезенных из Испании во время гражданской войны. А меня поставили к ним навести порядок. Ну, я поговорил с ребятами по душам, и когда мы с песней пошли в столовую, мимо штаба, – штабные высыпали на улицу: рота стрелков первый раз шла по улице с песней!

Я вернулся на фронт, в 315-ю истребительную Рижскую авиационную дивизию. Мы освобождали Прибалтику от тех немецких армий, которые держали блокаду Ленинграда, и на каждой бомбе писали «За Ленинград!». Потом освободили Ригу. Весна 44-го, распутица, низкая облачность – полетов нет. Летный состав играет в карты, брэнчит на гитаре, уйти из расположения части нельзя – дисциплина у нас была железная. Рядом располагался медсанбат, начальник которого, полковник медицинской службы была очень строга. И вот кто-то предложил: «Давайте сыграем свадьбу!» Старший техник эскадрильи Ринат Ишмеев встречался с медсестрой Валей, их и решили поженить. Купили на соседнем хуторе полтуши свины и с трудом взвалили ее на телегу. Пришли к полковнице – пуговицы начищены, отрапортовали, как положено, и... поднялся переполюх. Она сказала: «Если ваш командир разрешит, то я не возражаю». Наш командир был душевный человек, понял ситуацию. Но невесте нужно белое платье, и я нашел списанный белый шелковый парашют, принес девчонкам, так они не только платье, а еще и скатертей нашили. Свадьбу сыграли! А через день вызывает меня комполка – бери быстро машину и вези их в Ригу в загс. Они расписались, все в порядке. А меня потом начала совесть мучить, вдруг, мы девчонке судьбу сломали? И представляете, десять лет прошло после войны, я бегал по Риге, утрясал дела, собираясь уезжать, и вдруг встретил Рината! А с ним рядом дама в шляпе и девочка. Я и не узнал Валю, все у них сложилось хорошо, живут душа в душу.

В 3 часа ночи 8 мая, когда объявили о капитуляции Германии, мы смотрели друг на друга и не верили, что война кончилась, и не понимали, что же теперь делать будем...».

А самыми большими праздником в жизни Юрия Михайловича остались День Победы и день полета Юрия Гагарина в космос.

Записала Ольга ТАРАНТИНА

Об огнях, пожарищах, о друзьях, товарищах

Федор Тарасович Смоляков прибыл в Дубну в 1964 году, принимал деятельное участие в организации подразделений гражданской обороны, работал секретарем исполкома городского Совета, начальником отдела кадров строительно-монтажного управления. По просьбе редакции ветеран Великой Отечественной войны рассказывает сегодня о самых памятных фронтовых эпизодах, о друзьях-товарищах, об участии в боях, вошедших в учебники истории.

На Финской войне

В октябре 1938 года Брянским райвоенкоматом я был призван в Рабоче-крестьянскую красную армию и оказался в городе Опочка под Ленинградом, в дивизионной саперной школе. Место знаменитое, еще Пушкин прославил его в своих стихах. В результате года учебы освоил саперное дело, получил два треугольника на петлицы – стал младшим командиром. А в это время был призван в армию старших возрастов, вот так в моем отделении оказалось одиннадцать «новобранцев» под тридцать лет! Все, чему нас обучали в течение года, старался передать им. Но это продолжалось недолго.

Вскоре начались военные провокации со стороны белофиннов, и меня направили в 203-й саперный батальон 155-й стрелковой дивизии. Едва успели стать на довольствие – и сразу в бой. Маршрут нам был указан до Порос-озера, что за Медвежьегорском. Условия, помню, были адские, морозы стояли сорокаградусные, а на пути следования часто встречались незамерзающие озера и болота. Для преодоления этих преград, переброски войск и снаряжения нам, саперам, приходилось в ледяной воде наводить переправы, гати... Много было боевых заданий по минированию и разминированию рубежей.

После финской кампании в марте 40-го года вернулись в Барановичи, в Белоруссию. Назначили меня отсекром – освобожденным секретарем комсомольского бюро в звании заместителя политрука (четыре треугольника в петлицах и звездочка на рукаве гимнастерки).

Польская граница, отступление

В июне 1941 года капитан Корнев приказал мне выехать в саперную роту, которая строила укрепления на советско-польской границе, в районе города Остров Мазовецкий

(ныне Остров-Мазовецка, на территории современной Польши – ред.), для укрепления политико-воспитательной работы. Здесь я познакомился с заместителем начальника погранзаставы – молодым политруком, и мы быстро нашли общий язык. На воскресенье, 22 июня, был намечен матч по волейболу между пограничниками и саперами. В субботу, 21-го, я прибыл в роту, и мне отвели место в землянке в три наката.

В четыре утра проснулся от разрывов мин и снарядов, вылез из землянки и увидел немецкие самолеты, которые на бреющем полете расстреливали заставу из пулеметов. Команда «в ружье» – бегом на заставу, где нам сообщили о начале войны. Отвели роту участок для обороны. Шесть часов вели бой, а потом был дан приказ отойти через Белосток в Барановичи. Рота была уже неполной. Мы старались не попадаться на глаза противнику, и это нам удалось. Потом были трудные дни отступления в составе 13-й армии под командованием генерала Пухова, которому удалось сохранить и вывести армию в тяжелейших условиях. Таким военачальникам надо было памятники при жизни ставить. Кстати, это был единственный командарм, похороненный на Новодевичьем кладбище.

Наш саперный батальон насчитывал в это время до сорока человек. По пути к Смоленску был приказ уничтожить за собой все важные объекты. В один трудный момент мы оказались в таком плотном окружении, что спаслись буквально чудом: если бы не глубокий овраг, встретившийся на пути, этот бой для всех был бы последним. Мы скатились в этот овраг и затаились. Немецкие собаки лают наверху, а мы лежим не шелохнувшись... Дождались ночи. Надо бы выходить, а куда? Комбат Великанов сориентировался по карте – недалеко река Березина, надо идти к ней. А как? Ночь, огонь не зажжешь, кругом немцы. И послал

Седой солдат расскажет внукам
Про эту боль своих времен,
Как он, герой,

да маршал Жуков
Из Польши немцев гнали вон;
Как славил их салют

московский,
России добрых сыновей;
Как двинул справа

Рокоссовский,
Как тотчас Конев дал левей;
И разъяснит, как по уставу,
Куда какой врзался клин,
Когда была взята Варшава
И встал на очередь Берлин.

Александр Твардовский, 1944.

он меня с младшим сержантом Пашкой Гордеевым в деревню на разведку. Добрались мы до первого дома на краю деревни, стучим в двери. Тишина. Постучали погромче – открывает хозяйка. Увидела форму нашу – обрадовалась. А в доме собралось человек тридцать, все вповалку. «Немцы в деревне есть?» – «Есть, но на другом конце», – еще одно везение. – «А как пройти к Березине?» – «Путь только через болота». – «А болото глубокое?» – «Местами по грудь, но пройдетесь прямо к реке». Вернулись мы в свой овраг, взяли с собой все, что при нас: «Ну, пойдём!..». И так, след в след, потихоньку, шаг за шагом, шли сквозь кромешную ночь по болоту, пока не вышли на высокий берег Березины. Уже утро встало, и такая красота на берегу!

Снова вдвоем идем в разведку по скошенному полю, немцев не видно. Походим к копне, и вдруг: «Стой, кто идет?». Оказалось, наши здесь оборудовали заставу для встречи таких, как мы, окруженцев. Переправили наш батальон на подготовленных плавсредствах, а на другом берегу уже ждут нас объятия товарищей по оружию и чугуны с дымящейся картошкой...

Так мы окончательно вышли из окружения и двинулись к Смоленску. Бои по обороне этого города были тяжелые, он неоднократно переходил из рук в руки. Потом армии дали команду сместиться к Брянску и Бежецку. Там поставили новые задачи.

На берегах Десны

На одной из железнодорожных станций нашей группе из пяти человек поручили взорвать основные объекты, но сделать это, как говорится, под самым носом у немцев. Заминировали здания, ждем. Поздно вечером показались вдалеке вра-

(Окончание на 11–12-й стр.)

(Окончание. Начало на 11-й стр.)

жеские мотоциклисты. Приготовились. Они – ближе. Пока надо сидеть в укрытии тихо. Звучит команда: «Объекты – взорвать!». С помощью динамо-машины и проводов, подключенных к зарядам, это делается быстро. Рядом – река Десна, куда мы отходим после выполнения задания. Комбат ставит новое задание – взорвать деревянный мост через реку. Но у нас уже нет ни бикфордова шнура, ни провода – все ушло на предыдущую операцию. Тогда ставим заряды в расчете на детонацию, и последний – с коротким шнуром. Вырываю для себя окопчик, поджигаю шнур – и мощный взрыв застает меня в последнем прыжке... За эту работу я получил свою первую награду – медаль «За боевые заслуги», с выбитым на ней номером, поскольку их еще немного тогда чеканилось.

Еще со времен выхода из окружения «везло» мне с разведкой. Под Бежецком после отступления на другом берегу реки оставили наши много боевой техники. Комдиву майору Лосько было приказано за ночь переправить всю эту технику на нашу сторону, а меня вместе с командиром батальона послали верхом на лошадях к реке осуществить реконсцировку на местности. С другого берега врезали по лошадям из пулеметов – такого ураганного огня мне больше испытать не довелось. Кое-как отползли к железнодорожной насыпи. Кто же так среди бела дня под ураганный огонь в разведку посылает? Ночью на всех подручных средствах вывозили технику с поля боя...

Сорок лет спустя однополчане встретились в Курске. И бывший комбат,

уже генерал-лейтенант, вспомнил такой эпизод их тех времен. «Товарищ комдив, – докладывал он, – технику переправили!» – «А сколько орудий?» – «Три, четвертое в реке затонуло», – «Пока все не переправите, не возвращайтесь!». Всю ночь ныряли, но вытащили...

Станция Касторное

Напряженными были бои за узловую станцию Касторное зимой 42-го. Комдив наш Лосько проявил себя в этих боях как умелый и храбрый командир. Началось наступление, подошли вплотную к станции: «Дивизия, на штурм!». А там у немцев скопилось несколько эшелонов техники в расчете на наступление. Богатые трофеи взяли, даже целый состав из нескольких цистерн со спиртом был, ну, к нему, конечно, специальную охрану поставили... Вспомнился сейчас наш политрук Воробьев, который меня долго опекал. Он стал поднимать полк в атаку и погиб...

Немцы отступали толпами. Дороги были забиты танками. В деревне Куликовка оставили наши стрелковую роту, и отступавшие немцы ее заблокировали – всеми родами войск. Лосько дал команду двинуть на Куликовку танковый батальон из резерва. Такого я еще не видел!.. Танки буквально смели с лица земли оборону противника, и наша рота была спасена. Илья Эренбург, который оказался в этой деревне, пообещал: «Обязательно назову свой материал «Куликовская битва»». Пленных вели через Касторное, и вид их был так неказист, что я подумал: «Ну и вояки!». Их же еще в Воронеже сильно потрепали, да и в Куликовке добавили.

В нашей дивизии был фотограф, сын полка Анатолий Сошников. Я много лет спустя подхожу к мне в Дубне мужчина, спрашивает: «Федор Тарасович, не узнаете?» – Присмотрелся я. – «Нет, не узнаю...» – «А помните Касторную, трофейный автомобиль, на котором я вас тогда сфотографировал?» – «Анатолий!». Вот так много лет спустя встретились в Дубне однополчане. Сошников сделал после войны три альбома со своими фронтовыми фотографиями, один подарил музею в Курске, второй – мне, а третий оставил у себя. Хорошая память осталась...

Ольховатка – Поныри

Потом на направлении Ольховатка – Поныри, где дислоцировалась дивизия, у саперов много работы было. Командование приняло решение перейти в жесткую оборону.

Соорудили две оборонительные полосы, одних траншей семь с половиной километров, на каждой – противотанковые узлы. Ждали «пантер» и «тигров», а у них лобовая броня 8-10 сантиметров. Жуков никогда не приезжал на позиции с пустыми руками: поступала новая техника, 152-миллиметровые орудия, почти всех бойцов оснастили автоматами ППШ, все закапывалось в землю, оборонительные сооружения очень мощные воздвигли... Разведка доложила, что немецкое наступление начнется 5 июля 1943 года. Утром все офицеры политотдела дивизии, в том числе и я, были уже в частях. Я оказался в своем родном 1023-м стрелковом полку, который оборонял Поныри. Рокоссовский решает в четыре утра открыть массированный огонь по позициям противника. Артиллерия, авиация, минометный огонь – все обрушилось, как ураган... В какие-то минуты, стоило поднять голову, – в небе до четырехсот наших и немецких самолетов... Наступление немецких частей на Ольховатку захлебнулось, и в бой пошли наши. Порядок был такой: сначала 15-20 тяжелых танков, потом самоходные орудия, пехота на БТР, легкие танки... 7 июля на этом направлении сосредоточились еще большие силы, чтобы развить успех операции.

К нашему комдиву Еншину, которого в своей книге «Воспоминания и размышления» очень положительно охарактеризовал маршал Жуков, приехал Константин Симонов, побывал на позициях... В это утро в районе Поньрей все так грохотало, что не поймешь, что, где и как. Примерно так описал он увиденное в своей газетной статье, а Рокоссовский в книге «Долг солдата» уже восстановил ход событий как военный стратег... На железнодорожной станции уцелела только водонапорная башня, на которой размещался наблюдательный пункт нашего полка. Она удерживалась силами роты, а когда немцы подошли близко и окружили НП, лейтенант Рябов вызвал огонь на себя...

Эту битву мне никогда не забыть. Жуков в своих мемуарах очень высоко оценил роль 307-й дивизии. И я всегда рассказывал об этом жене и детям, с которыми мы не раз проезжали эти места.

После освобождения Новозыбкова, что в Брянской области, дивизии присвоили наименование Новозыбковской, потом на этом месте в ее честь памятник соорудили. Наши ветераны там после войны побывали, написали мне об этом в письме, прислали фотографии. А когда дивизи-

В кругу боевых друзей.

У стелы, где когда-то шли бои.

зия входила в этот городок, отступающие немцы вместе с местными полицаями организовали несколько специальных команд, которые поджигали дома. Трех немцев и двух полицаев удалось схватить, и военный трибунал приговорил их к смерти. Тут же, на центральной площади, приговор привели в исполнение.

В Москву, на учебу

В октябре 1943 года заместитель начальника политотдела дивизии мне сказал: «Собирай вещмешок, поедешь учиться в Москву» — «Как учиться! А воевать кто будет?» — «Сегодня утром должен быть в политуправлении второго Украинского фронта»... Вот так образовался для меня небольшой перерыв в боевых действиях. В академии встретил я свою будущую жену Нину, вскоре мы поженились, и уже больше шестидесяти лет вместе...

Рассказывает Нина Тимофеевна Смолякова:

Перед самой войной я работала на 1-м авиационном заводе имени Сталина, в районе станции метро «Динамо», Боткинской больницы, аэропорта. Однажды на заводе побывала немецкая делегация, которая участвовала в заключении договора, известного в истории под именами Молотова — Риббентропа. В цехах всегда была чистота идеальная, кадушки с пальмами, розы, кафетерий при заводе прекрасный. В составе делегации было семь человек, наши комсомольцы показали им весь завод. Такая накануне войны была умиротворяющая обстановка, сейчас об этом много написано. А бабушка моя, пережившая первую мировую войну, на которой погиб дед, сказала: «Не верьте этим псам!» — и была права.

В ночь с субботы на воскресенье 22 июня у меня была сверхурочная работа, и известие о начале войны застало на рабочем месте. Мы еще,

ничего не зная, удивились — что-то начальник наш сегодня такой хмурый, лица на нем нет. Обычно Алексей Петрович всегда веселый... И тут парторг объявляет: «Война, товарищи!». Нас сразу оставляют на заводе на трое суток, завод осваивает производство новых самолетов... Никогда в жизни потом так не хотелось спать, как в ту первую военную осень. На работу все приходят со своими подушками, по сигналу воздушной тревоги — в метро, ноги к рельсам, подушки под голову...

В октябре 1941 года, когда немцы стояли под Москвой, завод эвакуировали в Куйбышев, а нам сказали: «Транспорта нет, идите пешком...». Ну, куда я пойду? До сих пор остался в памяти яркий эпизод. 16 октября, над Москвой висят аэростаты воздушного заграждения, я иду на улицу Правды купить хлеба, а через улицу перейти не могу. Все запружено транспортом — лавина автобусов от Тушино с беженцами, даже по тротуарам едут...

Осталась в Москве, поступила на работу в академию, где и встретила с Федором Тарасовичем. Кстати, в 1944 году, когда он закончил свою учебу, его оставляли начальником курсов, но он рвался на фронт, говорил мне: «А это ты понимаешь, что мы должны Родину защищать?» — так и уехал.

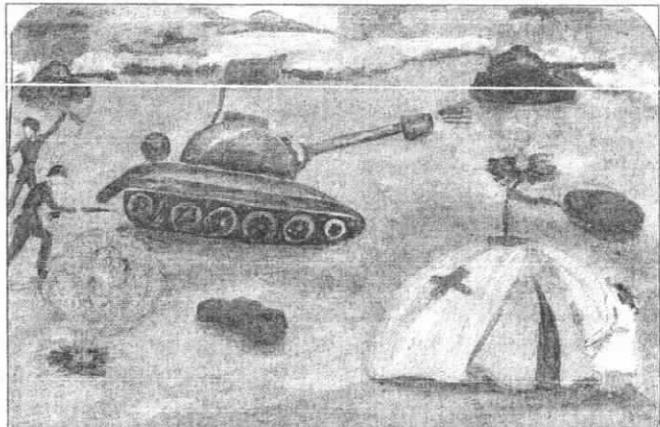
8 мая 45-го: Победа!

В 44-м году направили меня в 35-й гвардейский корпус в Румынию на должность инспектора политотдела. Потом была Венгрия, взятие Будапешта, Австрия... 8 мая в

политотделе получаю очередное задание, и вдруг все заговорили: война закончилась. До командира корпуса Горячева это известие не сразу доходит, а когда доходит, он сразу поручает адъютанту: «Ну-ка, проверь!» Оказывается, это телефонистки «по своим каналам» первыми узнали об акте капитуляции и разрезвонили радостную весть. Получили официальное подтверждение... Теперь я понимаю, почему командир сразу так отреагировал. Столько лет шла тяжелая кровопролитная война — и вдруг! — вот так, в один день и одну ночь все закончилось... Правда, и в Будапеште, и в некоторых австрийских городках еще несколько недель очищали кварталы от последних вражеских стрелков...

Федор Тарасович и Нина Тимофеевна вырастили в Дубне дочь и сына, помогли им получить высшее образование, сейчас растут внуки. А встреча наша как раз и произошла при активном содействии дочери, Тамары Федоровны, которая работает в ЛИТ и вместе с мужем Александром Андреевичем Карловым приехала из Женевы в Дубну проводить родителей...

Записал Евгений МОЛЧАНОВ

Битва за Москву.
Алина Кожушнова, 5-а класс, гимназия № 3.

...А были вместе – детство и война

Они живут и работают среди нас. Каждый день, прожитый после войны, на которую пришлось их детство, был наполнен обычными делами – сначала учебой, затем работой, созданием семьи, воспитанием детей, а теперь и внуков, правнуков. И только одно отличает их судьбу от судеб других людей – недетский опыт, приобретенный за колючей проволокой фашистских концлагерей. Когда члены дубненского общества бывших малолетних узников собираются вместе раз в год 11 апреля, в День памяти (это дата освобождения одного из самых страшных лагерей смерти – Бухенвальда), им есть что вспомнить и чему удивиться. Ведь девять из десяти узников погибли в лагерях, а они остались живы. Судьба! Об одной из таких судеб я хочу сегодня рассказать.

Семь «я»

Владимир Борисович Дубинчик работает в ОИЯИ с 1960 года, куда попал по распределению после окончания техникума в Белоруссии. Образование продолжил в МИРЭА. В ЛВТА он прошел путь от электротехника по обслуживанию вычислительных машин до ведущего инженера, руководителя группы. С наступлением эры персональных компьютеров очень многие специалисты остались не у дел, пришлось переквалифицироваться и Владимиру Борисовичу, он продолжает трудиться в ЛИТ дежурным электриком. В этой же лаборатории работает и его жена, тоже ветеран нашего Института.

Родился Владимир Борисович в белорусской деревне под Бобруйском Могилевской области. Когда началась война, отец, ветеринарный фельдшер, ушел на фронт, оставив жену с пятью детьми дома. Правда, две старшие дочери уже были взрослыми – одна училась на втором курсе пединститута, а другая только закончила школу, средние – еще подростки, а Володе исполнилось шесть лет. Немцы в село вошли тихо, без боя. В доме Дубинчиков поселились два солдата, одного из них звали Отто. Он много шутил, смеялся, но, по воспоминаниям сестер, от него исходила какая-то опасность, затаившаяся в глазах. Когда немцы ложились спать, ставили напротив двери пулемет, а Отто часто тыкал в мальчика пальцем и говорил: «Кляйне партизан», – и при этом, видя испуг ребенка, громко хохотал, довольный своей шуткой...

На краю рва

Шел ноябрь 1943 года. Из собственного дома их выгнали, и семью приютила такая же женщина-солдатка. Обычно мать и старшие дочери вставали рано, доили коров, подолгу работали в поле, а в

доме оставались Володя с сестренкой, у них тоже было много обязанностей по хозяйству. Однажды нагрянули полицаи, немец и переводчик, спросили, где старшие, и приказали сестренке бежать за матерью и сестрами, которые копали картошку.

Этот день Владимир Борисович запомнил на всю жизнь. Шел мелкий дождь, было прохладно, но им не дали ничего с собой взять из одежды: «Не пригодится», – бросил на ходу полицаи. Привезли вместе с четырьмя мужчинами, сначала поместили в тюрьму Кировска, районного центра, а затем в бобруйскую тюрьму, где они провели несколько суток. Потом посадили в машину и вывезли к уже подготовленному рву на окраине города.

Сначала расстреляли мужчин. Затем подвели ко рву всю семью, мать развернула сына лицом к себе, прижала и прикрыла кофтой, немцы вскинули автоматы... В это время на дороге появился автомобиль, мчавшийся к месту казни на полной скорости. Машина резко затормозила, из нее вышел офицер и крикнул что-то на немецком языке. Старшая сестра знала немецкий и поняла, что он приказал остановить расстрел. Так пришло неожиданное спасение. Впереди была жизнь, невыносимо тяжелая, но жизнь.

Что же произошло? Почему из всей деревни немцы выбрали именно их семью? Ответ до банальности прост – месть. До войны отец как ветеринар много разъезжал по району, у него был определенный график выездов, но однажды из-за плохого самочувствия жены он остался дома, а вечером нагрянули грабители – решили поживиться кабанчиком. У отца был наган для самообороны, он выскочил и задержал преступников. Один из них стал при немцах старостой села. «Мы уверены, что это он на нас донес», – говорит Владимир Борисович.

Все переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг
Вовеки не простится.

.....
Настанет новый, лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.

Борис Пастернак, 1941.

Вперед, на Запад! Очистим советскую землю от фашистских захватчиков!

вич. Но почему была остановлена казнь? С этим еще проще. Шел 1943 год, война истощила трудовые ресурсы Германии, нужна была рабочая сила. Вся Европа работала на Третий рейх, но военная машина требовала все больше и больше. Скорее всего, своим чудесным спасением семья Дубинчик была обязана какой-нибудь срочной депеше из Берлина.

В неволе

Через несколько дней их посадили в «товарняк», вагоны опутали колючей проволокой, и начался путь в неизвестность. У старшей сестры был карандаш и клочок бумаги, и когда поезд проезжал мимо села, где жила тетя Мария, она выбросила записку: «Нас везут в Германию». Уже после войны выяснилось, что какая-то женщина ее подобрала и передала тете, поэтому родня знала, что они живы.

Дорога была долгой и тяжелой. Помимо угнанных насильно, в вагонах ехали и «добровольцы» – те, кого немцы сагитировали на работу в Германию. «Некоторые везли с собой швейные машинки, ели сало, а нам давали такую еду, что на нее даже смотреть нельзя было без отвращения, не то что есть», – вспоминает Владимир Борисович. Но, наконец, их привезли в Лотарингию, в

оккупированную часть Франции.

Лагерь располагался недалеко от городка Сааргемионд. Конечно, он не был похож на лагерь смерти, но вся жизнь, если это существование можно назвать жизнью, проходила за колючей проволокой — хлеб с опилками, пустая баланда на обед, изнурительная работа. Женщины шили для немецкой армии гамаши, мужчины, скорее всего, комплекто-

ХОРОШИЕ ВЕСТИ С ФРОНТА!

вали снаряды. Часто стала появляться американская авиация. Подвергался бомбежкам и лагерь, в котором находилась семья Дубинчик. О налетах администрация лагеря узнавала заранее. Три гудка — самолеты летят стороной, и прятаться не надо. Шесть — всех плетками сгоняли в бомбоубежище прямо под зданием, в котором жили узники. Как правило, это происходило по ночам. О массированных налетах предупреждали девять гудков — тогда распахивались ворота, и все устремлялись за пределы лагеря. Начальство побегов не боялось, знали, что истощенным людям далеко не убежать, да и укрыться негде.

Так длилось до первого мая 1944 года. В этот солнечный теплый день раздалась команда: «Всем на выход!», — распахнулись ворота, и люди устремились в лес. Через несколько минут небо стало черным от самолетов, раздался вой снарядов, загрохотали взрывы. Ни до, ни после не видел Владимир Борисович ничего подобного — это была так называемая «ковровая» бомбардировка американцев. Лагерь превратился в руины — если бы там оставались узники, никто бы не уцелел. Когда самолеты улетели, еще долго рвались снаряды в разрушенных цехах и складах. Оставшиеся в живых узники сбились в одну группу и пошли на восток, в деревнях местные жители — французы давали

им еду и кров. Но далеко уйти не удалось, немцы всех выловили.

«Трудотерапия» по-немецки

Семью разделили и отдали в рабство фермерам или, как их называли, — «бауэрам», снабжавшим немецкую армию продуктами. Старшие сестры попали к французам, средние — к немецкому бауэру, Володя с матерью — тоже к немцу. Он получил ферму в Лотарингии в награду за участие в военной кампании, в которой была завоевана почти вся Европа. Это был рослый, суровый, немногословный и очень требовательный к работникам фашист, он с гордостью носил на рукаве повязку со свастикой. Его жена была посердобольней, работников кормили неплохо — еда ни в какое сравнение не шла с лагерной.

На плечи матери и сестер легла работа в поле, в хлеву, а мальчику дали тележку для перевозки разных грузов. Хозяин часто брал его с собой в поле. За полем находилась зенитная батарея, на их глазах был подбит американский самолет, двое летчиков катапультировались. Хозяин бурно выражал свой восторг. Вдруг, откуда ни возьмись, появились два истребителя с незнакомыми опознавательными знаками. Один устремился к месту падения самолета, а другой развернулся и направился к ним на бреющем полете. «У немецкой армии появились новые машины», — сказал «бауэр» и помахал пилоту, которого хорошо было видно через стекло кабины. В ответ раздался выстрел: это были английские самолеты, прилетевшие, чтобы забрать союзников. «Пули просвистели рядом, — вспоминает Владимир Борисович. — Думаю, что пилот увидел на рукаве моего хозяина повязку со свастикой и дал очередь. Это просто судьба, что я остался жив».

В который раз хранила Владимир судьба! Бывали у него стычки с племянником хозяина, его ровесником. Однажды в копне, куда так приятно было прыгать, мальчик чуть было не наткнулся на припрятанные вилы. Он отдубасил племянника хозяина, но вскоре тот со своими друзьями подкараулил Володю около речки, затащил его в воду и долго удерживал в воде. Мальчика спасла проходившая случайно по мосту мать.

Освобождение

Вскоре на ферме появились немецкие солдаты. Они сразу стали разделять мясную тушу, а «бауэр» начал «качать права»: «Вот я воевал, мы пол-Европы завоевали, а вы все сдаете, отступаете...».

Повар с ножом кинулся за ним, тогда хозяин с женой все побросали и уехали... Скоро начался страшный артобстрел, опять выли снаряды, опять убитые и раненые, оторванные ноги и головы... Ранило и старшую сестру — она пожалела недовоевшую корову и решила ее подоить. Осколок снаряда угодил в мягкую часть подбородка. Кое-как перевязали, а на следующий день вошли американцы и оказали настоящую медицинскую помощь, наложили швы. Американцы переправились через Ла-Манш, среди них было много негров, украинцев, они улыбались, угощали шоколадом.

Владимир Борисович вспоминает: «Нас отправили в лагерь для перемещенных лиц, мы жили в домах, нас хорошо кормили и платили деньги, охраняли лагерь французские жандармы, но вскоре они раздали оружие и некоторым нашим мужчинам для защиты от своих же мародеров и бандитов. В лагере были только русские, но народ был всякий».

Долгим было ожидание отправки на родину. Корабли топили, самолеты сбивали, решили везти бывших узников на поездах. Впечатлительному мальчику запомнился еще один эпизод — перед отъездом в СССР от всей группы отделили молодых крепких молодых людей и отправили через Ла-Манш в Англию. Тогда не принято было задавать вопросы, но Владимир Борисович предполагает, что, скорее всего, их просто запугали, что дома их ждут неприятности. Старшую сестру Володи тоже уговаривали остаться во Франции фермеры, у которых она работала, предупреждали, что, если вернется на Родину, ее расстреляют. «Но никто из нас в это не мог поверить, своей вины не видели и всей душой рвались домой», — говорит Владимир Борисович.

2 октября 1944 года почти невредимая и в полном составе семья Дубинчик двинулась на специальном поезде на Родину. Впереди было еще очень много испытаний — возвращение в разоренный голодный край, да еще в канун зимы, без продуктов и одежды (все накопленные деньги незадолго до отъезда из лагеря кто-то из «своих» у них украл). Но все выдержала эта дружная и стойкая семья! Встретили Победу, дождалась отца, который прошел всю войну и не был ни разу ранен. Умер он от болезни сердца в 50-м году, а мама прожила большую и долгую жизнь, почти до 90 лет.

Надежда КАВАЛЕРОВА

Губернатор вручил награду

19 апреля в Москве на Старой площади состоялось вручение государственных наград группе жителей Подмоскovie. Губернатор Московской области Б. В. Громов вручил медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени заместителю директора Лаборатории ядерных реакций ОИЯИ А. Н. Мезенцеву.

За чертой призеров

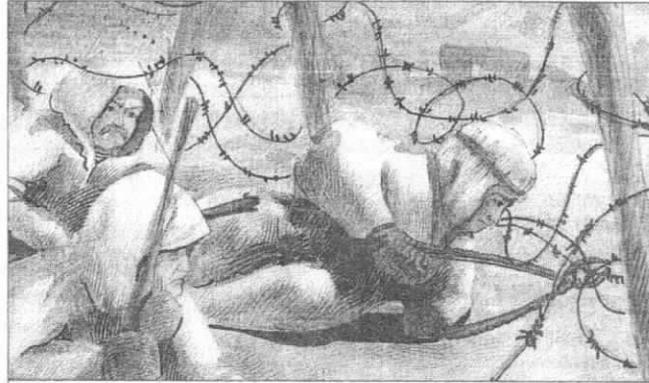
20 апреля конкурсная комиссия подвела итоги месячника благоустройства в северном Подмоскovie. Последней экзамен по чистоте и порядку на городской территории держала Дубна. К сожалению, впервые за последние годы в конкурсе на лучшее благоустройство наш город остался за чертой призеров. Первое место присуждено Химкам, второе занял Дмитров, третье – Клин.

В город боевой славы

21 мая Дом ученых организует поездку в Боровск. Основание города относится к 12–18-му векам. За свою историю город испытал на себе тяготы междоусобных войн, монголо-татарского ига, польско-литовской и немецко-фашистской интервенции. На территории города расположен Пафнутьев монастырь, который с 17-го века связан со старообрядцами, в его глубокой яме была уморена голодом боярыня Морозова со своей сестрой, в него дважды ссылался протопоп Аввакум. В отделе музея, расположенного на территории монастыря, вы познакомитесь с историей древнейшей обители Калужской земли и увидите уникальную фресковую роспись. Стоимость поездки для членов ДУ 100 рублей, для всех желающих – 170. **Запись состоится 17 мая в 17.30 в Доме ученых.**

Премии – ветеранам войны

К 60-летию Победы ветераны Великой Отечественной войны и труженики тыла всех лабораторий и подразделений Института получили поздравления и премии. А бывшие сотрудники ЛНФ – участники боевых действий, сегодня специальным автобусом прибудут в лабораторию на традиционное чаепитие, во время которого им вручат подарки от руководства ЛНФ.

Партизаны. Катя Мицина, 10 класс, гимназия № 8.

Пожар в первом корпусе вызван техническими причинами

22 апреля комиссия по расследованию причин пожара, происшедшего 9 апреля в помещении № 4 первого корпуса Лаборатории ядерных проблем, обобщила результаты своей работы. В итоговом документе проанализированы ремонтно-профилактические мероприятия по подготовке к сеансу, работа дежурных смен ускорителя, хронология тушения пожара, его последствия и принятые меры по безопасности ведения работ. Комиссия сделала вывод о том, что причина возгорания носит чисто технический характер. Исходным событием, вызвавшим загорание, является внезапный разрыв шпильки, крепящей клемму в цепи мотор-генератора, и образование электрической дуги с последующим коротким замыканием силовых кабелей. Комиссия работает над планом мероприятий по скорейшему возобновлению работы ускорителя, в первую очередь, для нужд медицины.

ДНД выйдет на улицы

Добровольная народная дружина по охране общественного порядка на территории Дубны должна быть создана в нашем городе в соответствии с решением городского Совета депутатов. Для руководства ее работой и координации деятельности по распоряжению главы города В. Э. Проха образован штаб ДНД. Его возглавил заместитель главы администрации города по безопасности и правовым вопросам Н. Ю. Мадфес. В состав штаба включены руководители подразделений милиции и представители градообразующих предприятий города. Командиром ДНД утвержден А. М. Абуов.

НАША ГОРЯЧАЯ ПРИБУДКА

Подписка-2005

Уважаемые читатели!
Подписка на еженедельник «Дубна» на второе полугодие 2005 года принимается во всех отделениях связи города Дубна.
Наш подписной индекс 00146.

Отопление отключат сегодня

Глава города распорядился закончить отопительный период 28 апреля – в связи с благоприятным долгосрочным прогнозом Гидрометцентра РФ по Московской области. Теплоснабжающим организациям города (ОИЯИ, ОАО «Энергия-Тензор», ПТО ГХ) дано указание прекратить подачу тепла на объекты жилищного фонда и социально-культурной сферы с 29 апреля. Отключение объектов здравоохранения, школ и дошкольных организаций города будет производиться в последнюю очередь.

О движении через канал

Муниципальное унитарное предприятие ДРСУ сообщает, что с 22 апреля в связи с началом навигации движение через наплавной (понтонный) мост на канале имени Москвы закрыто.

.....
• • • • •
• **Уважаемые** •
• **читатели!** •
• **Следующий номер** •
• **газеты выйдет** •
• **13 мая.** •
• • • • •

ВАС ПРИГЛАШАЮТ

ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ «ОКТЯБРЬ»

Воскресенье, 8 мая

18.00 Театр «Новая опера». Спектакль-посвящение 60-летию Победы «Воспоминание о песне»

по мотивам опер К. Молчанова «А зори здесь тихие», Д. Кабалевского «Семья Тараса» и песен времен Великой Отечественной войны. В спектакле принимает участие большая группа солистов театра, получивших признание в России и за рубежом. Автор композиции Г. Кузнецова, балетмейстер И. Фадеев. Справки по телефону 5-48-20.